

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«Ethnologia Europaea», vol. 1, 1967, № 1, Paris.

Все более ощущается в последние годы потребность в обсуждении теоретических вопросов этнографической науки — особенно тех, которые касаются изучения народов промышленно развитых стран (Европа, Северная Америка). Здесь многое остается неясным, вплоть до самого общего вопроса о том, могут ли и должны ли народы указанных стран (французы, англичане, североамериканцы, русские и др.) изучаться той же самой этнографической наукой, которая изучает, например, народы Африки или Полинезии, или же это совсем иная область, не подлежащая этнографической науке?

Для обсуждения этого и других подобных вопросов инициативная группа европейских этнографов во главе с заслуженным шведским ученым профессором Сигурдом Эриксоном организовала небольшое международное совещание-симпозиум. Он происходил в начале сентября 1966 г. в Хэссельбю — предместье Стокгольма. В симпозиуме приняли участие 27 ученых из 13 стран, в том числе из трех социалистических государств.

При всех разногласиях, которые неизбежно должны были проявиться при этой первой встрече европейских этнографов «на теоретическом уровне», обнаружилось единство мнений по весьма существенному вопросу: о необходимости международного сотрудничества, о пользе международных встреч и дискуссий, о желательности совместных научных предприятий. Что касается принципиальной, теоретической платформы, на которой мыслится такое сотрудничество, то она пока довольно расплывчата, но во всяком случае участники симпозиума стоят на антирасистских, антинационалистических, антиколониалистских позициях — это люди прогрессивного образа мысли, хотя в большинстве и не марксисты.

Именно принципиальные, методологические вопросы и нашли отражение в статьях, опубликованных в № 1 журнала «Ethnologia Europaea». Статьи, решение приступить к изданию этого нового журнала было принято на симпозиуме в Хэссельбю; сами же статьи — это представленные на нем доклады. Очень полезно ознакомиться вкратце с их содержанием.

Журнал открывается статьей С. Эриксона «Европейская этнология в наше время». Указав вначале на характерное отличие этнографической («этнологической»), но принятой в журнале терминологии науки в европейских странах от американской (в США обычно объединяются в рамках одного университетского преподавания «этнология», физическая антропология, лингвистика, социология, археология и пр., а в европейских странах эти дисциплины разделены) и коротко напомнив о первых шагах этнографии в Скандинавии, Эриксон отмечает, что этнографическое изучение Европы как единого целого в систематической форме пока еще отсутствует; единственное исключение — книга Артура Хаберланда «Die volkstümliche Kultur Europas» — может считаться скорее лишь введением к такому изучению. Однако потребность в систематическом исследовании и в международном сотрудничестве в этой области велика. Она проявилась в создании «СИАР» (Comité International des arts et traditions populaires) после первой мировой войны и особенно в решениях, принятых участниками VII Международного конгресса этнографических и антропологических наук в 1964 г. в Москве.

Европа, — продолжает Эриксон, — несколько своеобразный предмет этнологического изучения. В Европе очень мало сохранилось пережитков примитивных форм культуры, зато здесь налицо богатая историческая традиция, длительное влияние культурных центров. Здесь перед этнографами стоят особо сложные задачи. Многое может познать европейская этнология от общей этнологии — автор ссылается на изданный в 1960 г. О. Хюльткранцем «Международный лексикон этнологических понятий», напоминает о важности разработки методики полевой работы, интервью, составления вопросников и пр.

Главная часть статьи Эриксона — разбор основных понятий этнологической науки; но здесь, наряду с некоторыми интересными мыслями, читатель замечает существенные недомолвки и явные пробелы. Всю область этнографии автор склонен разделить на четыре главных объекта: изучение быта (буквально «жизни», life, folklife), общества, культуры и индивида. Самое это разделение, конечно, очень спорно; при этом определение перечисленных понятий не всегда четко. Под бытом (folklife) автор rozumeeт «ту часть жизни, которая порождается социальной передачей и контактом» (стр. 7); но какая же часть «жизни», — спросит читатель, — не связана ни с социальной передачей, ни с контактом? Переходя к понятию «культуры», Эриксон высказывает о ней, в форме некоторых афоризмов, правильные в общем мысли, но они не заменяют точного определения. «Культура была создана человеком»; «культура... есть нечто материальное, умственное и социальное»; «это есть идеи, символы и техника»; «это есть орудия, и продукт, и способность к работе, лежащая между тем и другим»; «это есть обычаи и праздники»; «это есть мода и форма»; «культура должна поддерживаться трудом, а иногда и борьбой», и т. д. (стр. 7—8). Все это верно, но эти высказывания

затрагивают лишь отдельные явления культуры и не заменяют рассмотрения этих явлений с точки зрения их взаимосвязи, истории, социального опосредствования, перспектив их развития.

Далее — понятие «общества». Здесь представляют интерес соображения Эриксона о разных объемах социальных групп, как бы концентрически вписанных одна в другую. В английском языке различаются понятия *society* и *community*, в немецком — *Gesellschaft* и *Gemeinschaft*. Человек живет не в абстрактном «обществе», а в какой-то определенной общественной группе, кружке, общине, районе (*area*). Это как бы «группы в группе». По мнению Эриксона, элементарная и древнейшая из таких групп — это семья, которая в своих первоначальных формах «древнее самой культуры» и в зародыше встречается и у животных (стр. 9). С такой мыслью автора едва ли можно согласиться.

Соображения Эриксона о «человеке», или индивидуе, как предмете этнологического изучения несколько неопределенны. Человек — творческая сила; мемуары, дневники, конторские книги — источники этнографического изучения, все это бесспорно. Изучение современной жизни, полагает Эриксон, целиком невозможно, ибо она слишком сложна, но можно выбрать ограниченный период для исследования... Статья кончается пожеланием, чтобы этнология в каком-то смысле суммировала выводы смежных наук, и чтобы международное сотрудничество выразилось, между прочим, в изучении аналогичных объектов в разных странах по согласованной программе.

Несколько странно, что в этой «установочной» статье Эриксон, перечисляя основные понятия и объекты этнологической науки, ни словом не коснулся понятия «народ», или «этническая общность». Случаен ли такой пропуск?

Статья Альберто Чирезе (Рим) в известном смысле примыкает к статье Эриксона, но она более углубленна и систематична. Употребляемые в ней понятия и термины несколько сложные, и даже сам заголовок статьи — «*Altérité et dénivellement culturels dans les sociétés dites supérieures*» — с трудом поддается переводу. «*Altérité*» — что-то вроде «инакости», т. е. нечто иное, другое, не то; «*dénivellement*» — как бы смешение уровня.

Статья А. Чирезе направлена прежде всего против романтической и внеисторической трактовки понятия «народ» и близких к нему понятий «народная душа», «творческие силы народа» и пр. Подобных «благородных иллюзий» и «мифов» теперь никто, по мнению автора, уже не разделяет (стр. 14); но надо решительно отделиться даже от остатков старых взглядов, которые колебались между преклонением перед народом и пренебрежением к нему (стр. 15). Что же является подлинным предметом и целью этнографического исследования, если не романтический и вневременный «народ»? Как определить теоретически этот предмет и эту цель, если не удовлетворяться чисто эмпирическим подборением кусочков и остатков из литературоведения, истории религии и пр.? Подлинный предмет этнографии и, в частности, европейской этнографии — это, по мнению А. Чирезе, множественность культур внутри нашего собственного общества, нашей цивилизации. Разные странные и любопытные обычаи, «суеверия» и т. п., которые прежде сурово осуждались церковью, а в просвещенных людях вызывали насмешки и пренебрежение, теперь стали предметом научного исследования. Они стали этим предметом с тех пор, как Тэйлор ввел в науку понятие «пережиток». Явления, которые прежде вызывали лишь отрицательную оценку, становятся объектом исторического исследования, ценным источником познания истории людей. «То, что было предсудительным заблуждением, а потому „невежеством“, „варварством“, одним словом „некультурностью“, становится, напротив, „культурой“» (стр. 18). А это, в свою очередь, должно было нанести удар «европейскому этноцентризму» идее «культурной исключительности» господствующих обществ перед лицом «примитивных». Оказалось, что в нашей собственной среде есть явления, аналогичные этим «примитивам». Обнаружилась множественность и «инакость» культур внутри нашей собственной цивилизации (стр. 19).

И вот большая часть статьи Альберто Чирезе и посвящена рассмотрению этой «инакости» (*altérité*), или «смещению уровня» (*dénivellement*) культуры. В этих явлениях автор и видит главный предмет этнографии — по крайней мере этнографии европейских народов. Они тесно связаны с классовыми различиями и сложностью самого состава культуры.

В качестве конкретного примера он приводит погребальные плачи — обычай, хорошо известный от гомеровских до наших времен. «Если послушать», — говорит А. Чирезе, — в Сардинии это пение (погребальный плач.— С. Т.) в три-четыре голоса, то это перевернет вверх дном все привычные слуховые представления слушателя с материка: до такой степени все это непохоже на сдержанный, чинный траур «образованных» классов общества. Такие вещи принято называть «язычеством», «варварством», «дикостью» (стр. 20). И подобные контрасты, говорит автор, видны постоянно: север — юг (Италии.— С. Т.), город — деревня, центр — периферия, элита — народные массы. Конечно, есть и множество промежуточных ступенек. Но вот этот-то «иной» культурный уровень в нашем собственном обществе и есть, по Чирезе, объект этнографического исследования.

Каков же критерий, позволяющий отличить эту «иную» культуру от нашей общей культуры? Этим критерием, по автору, служит *место*, занимаемое данным явлением

в общей жизни народа или страны: узаконено ли оно официально или нет, составляет ли общее или местное явление. Например, те же погребальные плачи в гомеровской Греции были общенародным и как бы официальным делом, а такие же плачи в теперешней Южной Италии или Сардинии — дело местное, частное, не одобряемое обществом в целом (стр. 22).

Возвращаясь после этих замечаний к понятию «народ», А. Чирезе считает возможным употреблять его не в романтическом, а в строго научном смысле, как исторически складывающуюся совокупность классов, групп, подгрупп и индивидов — носителей «иногo уровня» культуры. В таком понимании Чирезе отчасти сближается с марксистским взглядом (вспомним ленинскую мысль о двух культурах в каждой национальной культуре!). И недаром как раз здесь ссылается Чирезе на прекрасное, по его мнению, определение понятий «народа» и «фольклора», данное Антонио Грамши, основателем Итальянской коммунистической партии (стр. 23—24). Настаивая на строгой историчности понятия «народ», Чирезе требует и конкретного его изучения, говорит об условиях сохранения и даже углубления культурных различий в определенных странах в силу исторической изоляции, в силу сословных законов, религиозной розни и пр. (стр. 25—26).

Но отсюда вытекает и своеобразный «бикультурализм»: индивид принадлежит по рождению и под влиянием окружающей среды к местной, региональной «культуре», но через школу и иные каналы он приобщается к общенациональной культуре. Эти две стороны культурного развития личности Чирезе соответственно называет «инкультурацией» и «аккультурацией» (enculturation — acculturation).

С А. Чирезе можно во многом согласиться. Но, думается, он все же слишком сужает область этнографического изучения народов Европы, сводя ее лишь к явлениям «иной» культуры, т. е. попросту к пережиточным явлениям. Есть серьезные основания понимать задачи этнографии европейских народов более широко: этнограф должен изучать не только «иную», но и нашу *общую* культуру, а также и все формы взаимодействия между той и другой.

Этому-то как раз вопросу посвящена следующая затем статья С. А. Токарева «Границы этнологического изучения народов индустриальных стран». В ней говорится об этнографическом аспекте изучения культуры и быта народов со сложной и высоко развитой культурой. Автор считает, что этнограф не может и не должен отказываться от ее изучения, но он в то же время не должен дублировать работу специалистов тех разных отраслей знания (технических и гуманитарных наук), которые изучают разные стороны жизни и культуры современного общества: технологии, агрономию, экономику, правоведения, литературоведения, искусствоведения, истории религии и пр. Чтобы не дублировать их, этнограф не должен ни на минуту терять из вида свою собственную точку зрения на любое явление жизни высококультурного народа. А что такое этнографическая точка зрения? Это есть отнесение любого изучаемого объекта к той или иной из основных проблем этнографической науки. Таковы, как известно, проблемы этногенеза, этнической истории, этнокультурных связей между народами, процессы современного этнического и культурного развития народов и пр.

Эта основная этнографическая точка зрения не должна упускаться из вида и при изучении тех явлений, которые в этом смысле представляли особые трудности. Такими особо трудными для этнографа явлениями следует считать, во-первых, явления стандартизации, машинизации, урбанизации и пр., стирающие всякие региональные и этнические различия и особенности; во-вторых, явления чисто индивидуального творчества: литературу, профессиональную музыку, живопись и т. п.

Автор статьи на отдельных примерах — изучение земледельческого хозяйства, изучение семьи, изучение литературы — старается показать, как и в этих, казалось бы очень сложных и мало доступных для этнографического изучения областях, такое изучение все же возможно и даже необходимо, и что оно отнюдь не будет простым дублированием работы экономиста, технолога, литературоведа и т. д.

Однако эта сложная проблема требует еще серьезного теоретического обсуждения с проверкой на конкретных исследованиях.

Статья Оке Хюльткранца (Стокгольм) — «Несколько замечаний о современной европейской этнологической мысли» касается главным образом вопросов соотношения «региональной европейской этнологии» и «общей этнологии». Автор, видимо, прав, когда сетует по поводу того, что в этнографических исследованиях европейских народов мало применяются выработанные общей этнологией понятия и категории (сам Хюльткранц был, как уже говорилось, составителем первого тома большого Международного словаря этнологических терминов). Но он едва ли прав, когда объясняет эту терминологическую неразработанность европейской «региональной» этнологии тем, что последняя слишком де привержена историческому методу (стр. 39); исторический метод сам по себе никогда не мешал ученому пользоваться общими (социологическими, этнологическими) понятиями и терминами. Хюльткранц ссылается, правда, на мнение «многих историков» и «этнологов с филологической подготовкой», считающих разработку общих понятий и терминов бесполезным делом (стр. 40). Быть может, и есть действительно ученые-эмпирики и прагматики, держащие такого мнения, но историче-

ская наука и подлинный исторический метод тут совершенно ни при чем. Сам Хьюлткранц, впрочем, это прекрасно понимает, и он прав, заявляя, что привнесение теоретически разработанных понятий лишь оплодотворит и осветит историческое исследование. Но он опять-таки напрасно сужает круг этнологических понятий, полезных этнографу-историку, требуя, чтобы они брались из арсенала «функционалистской» этнологии (стр. 40): ведь функционализм — весьма одностороннее направление, где здравые идеи перемешаны с туманными и слабо обоснованными. Едва ли можно поддержать и призыв автора заимствовать основные понятия у американских этнологов, которым Хьюлткранц вообще отдает предпочтение в теоретическом отношении перед европейскими (стр. 40, 43).

Последняя из теоретических статей журнала — статья Гезы де Роган-Чермака (Париж) «Понятие „европейского этнического комплекса“» — одна из самых интересных. Автор пытается в ней определить само содержание понятия «этнический комплекс» — понятие, примерно равнозначное употребляемому у нас термину «этническая общность». Как известно, этот термин в нашей науке разработан пока далеко не достаточно, а потому нужно с особым вниманием заняться к попытке Роган-Чермака, хотя этот автор рассматривает проблему на ограниченном европейском материале и даже, как сейчас увидим, преимущественно на одном частном примере.

Автор начинает с установления единства Европы как некоего целого. Прежние, зародившиеся еще в неолитическую эпоху культурные зоны и области постепенно в ходе истории сближались, шедшие извне культурные влияния затрагивали лишь периферийные европейские территории и в конце концов тоже растворялись в общеевропейском «культурном комплексе». В эпоху средневековья в пределах Европы образовались три большие зоны, разделенные «идеологическими» границами, — католическая, протестантская и православная зоны, приблизительно соответствующие преобладанию языков: романских, германских, славянских. Но это деление не отняло у народов Европы их единства, как не уничтожает его и существование независимых государств.

Можно говорить, как полагает автор, и о некотором лингвистическом единстве Европы, ибо межъязыковые границы постепенно смягчаются. Еще отчетливее видно расовое, а также чисто географическое единство Европы. И, наконец, существует еще «психическое единство», т. е., как бы мы сказали, общность европейского самосознания: «мы, европейцы», «у нас в Европе» и т. д.

Но это большое европейское этническое единство слагается из множества мелких этнических общностей — *ethnies*, как принято теперь говорить у французских ученых. Это остатки бесчисленных средневековых сеньерий, бароний, графств, герцогств и пр., а в последнем счете — нередко остатки еще более ранних племенных и «протофеодальных» группировок. Их сохранению до наших дней отчасти способствовала географическая среда: наибольшую обособленность сохраняют группы населения горных местностей. Эти местные *ethnies* сохраняют свою культурную специфику, хотя и объединены в этнические общности более высокого порядка — «народы», «нации», «государства».

По мнению автора, только наличие культурной общности определяет существование *ethnies*, и, наоборот, наличие *ethnie* означает, что она обладает своей культурной спецификой.

Человек может одновременно принадлежать к целому ряду общностей меньшего или большего объема. Какую же из этих общностей надо считать собственно *ethnies*? Вопрос этот не так прост. Роган-Чермак рассматривает его на одном конкретном примере, взятом из его собственных полевых исследований в Средних Пиренеях. Он берет определенного человека по имени Гильомэ и прослеживает те возрастающие по размерам общности, к которым этот человек принадлежит. Гильомэ — член уважаемой семьи Куртад, но, женившись, он породнился с более старой фамилией Сескэ — своего рода маленькой этнической единицей; небольшая группа таких фамилий образует соседство (*vezion, voisinage*) под названием *Gèdre dessus*; последнее составляет часть административной общины (коммуны) Жедр, которая, в свою очередь, вместе с несколькими другими общинами занимает обособленную горную долину Гаварни (этническая общность, в которой чувствуется культурное влияние соседнего Арагона). Далее оказывается, что наш Гильомэ принадлежит в то же время к населению земледельческо-скотоводческой округи Пардайра, части более обширной области Лаведан (средневековое виконтство), что он говорит на бигурданском наречии гасконского диалекта (Роган-Чермак называет последний «языком»), слушает радиопередачи на этом диалекте, но что он говорит, хотя и с грехом пополам, и на французском языке, а потому считает себя добрым французским патриотом и гражданином Французской республики. Восходя таким образом по ступенькам общностей, автор объявляет своего Гильомэ западноевропейцем, европейцем, представителем «западного» мира и, наконец, человеком. Так он насчитывает всего ни много ни мало как 20 ступенек общности — от индивида до человечества (не считая того, что описываемое лицо — в то же время католик и вообще христианин, член сельскохозяйственного профсоюза и определенной политической партии, член союза ветеранов войны и пр.).

Вся эта столь внушительная лестница из восходящих ступеней общности, быть может не в меру растянутая автором (хотя он и опирался на свои непосредственные наблюдения), приведена им для того, чтобы поставить вопрос: какая же из этих ступенек представляет собой собственно этническую общность — *ethnie*, по терминологии автора? На этот вопрос он решительно отвечает: *долина* (la Vallée), т. е. долина Гаварий; именно в этой общности всего отчетливее проявляется культурная специфика и «динамика интеграции». Из других ступенек общности, более высоких, на главное место автор ставит... не гасконскую народность, не французскую национальность, а, как это ни странно, Европу! (стр. 52—53).

Вывод, конечно, парадоксальный. Итак, если верить автору, избранный им житель одного из селений в Средних Пиренеях по своей этнической принадлежности оказывается не французом и не гасконцем, а, во-первых, гаварийцем, во-вторых, европейцем! Согласиться с таким выводом трудно при всем уважении к добросовестности автора как полевого этнографа-собираателя. Однако сама постановка вопроса заслуживает внимания. И если лестница ступенек этнической принадлежности — 20 ступеней — и представляется нам чрезмерно растянутой, то в принципе применяемый автором метод можно считать правильным. Ведь нетрудно и на любом другом примере подтвердить, что этническая принадлежность человека (и соответствующее ей этническое самосознание) обычно не исчерпывается какой-нибудь одной единственной этнической (национальной) общностью, она гораздо чаще как бы распределяется между меньшими и большими общностями, соотношение между которыми может быть весьма разным. Некто NN есть баварец и в то же время немец; другой человек — ганак и в то же время мораванин и одновременно чех; третий — мергел и одновременно грузин; четвертый — еврей и в то же время русский и т. д. Что здесь перевешивает — принадлежность ли к малой или к большой этнической группе — это в каждом случае определяется совершенно конкретно совокупностью объективных условий; соотношение того и другого есть величина переменная, и изменчивость ее отражается и на этническом самосознании: из двух родных братьев один может чувствовать себя мергелем, а другой грузином; в одну пору своей жизни человек может считать себя баварцем, а в другую немцем... Притом здесь еще не принято во внимание наличие многочисленных смешанных и двуязычных групп населения. Все эти вопросы еще далеко не достаточно исследованы, и поэтому сама постановка вопроса в статье Роган-Чермака заслуживает одобрения.

В конце своей статьи Роган-Чермак говорит о межконтинентальных этнокультурных связях, об экспортировании — через эмиграцию и иными путями — европейской культуры и европейского населения в другие части света. В виде примера он напоминает о франко-канадцах, которые считают свою страну настоящей Францией, да и в самом деле там сохраняются традиционные, даже средневековые французские порядки куда прочнее, чем в европейской Франции. Словом, заключает автор, «этническая Европа несравненно более широка (étendue), чем географическая Европа» (стр. 56).

Таковы проблемные статьи, помещенные в рецензируемом журнале. Как видим, в них налицо широкая постановка общих методологических проблем этнографической науки применительно к изучению европейских народов. Главная и наиболее общая из этих проблем сводится к вопросам: как вписывается «региональная» европейская этнография в рамки общей этнографии (этнологии), что специфичного и что общего в этнографическом изучении европейских народов и народов других частей света? Эти вопросы в журнале поставлены правильно. Конечно, не все мысли, не все выводы авторов статей бесспорны, не все убедительны. Но на то и дискуссия, на то и журнал, чтобы сталкивались мнения и таким путем рождалась истина.

Остальная часть содержания журнала — это информация о состоявшейся в Хэссельбу конференция-симпозиуме, протокольная запись обсуждения представленных докладов. В частности, много времени на конференции было уделено вопросам этнографической терминологии. На той же конференции обсуждался проект составления и издания большой международной серии «Handbook of European Ethnology»; создана подготовительная редакционная коллегия для разработки плана этого издания в составе Бэла Гунда (Венгрия), Хольгара Расмуссена (Дания) и Геза де Роган-Чермака (Франция). Был поднят вопрос о создании постоянного объединения европейских этнографов, но большинство участников конференции высказалось против формализации такого объединения и за сохранение теперешней формы личного общения этнографов, без обязательного представительства от стран и без постоянного устава. Обсуждались и частные вопросы международного сотрудничества: о подготовке этнологического атласа (Б. Братанич), о картотеке европейской этнографической документации — тексты и изображения (А. Эскерёд), о международной европейской этнографической библиографии (П. Меертенс).

В журнале помещено также информационное сообщение Бранимира Братанича (Югославия) о проведенной в г. Загребе в феврале 1966 г. Конференции по этнологическому картографированию, опубликовано несколько рецензий на новые книги.

Журнал «Ethnologia Europaea» будет выходить четыре раза в год. Статьи и материалы в нем печатаются на трех европейских языках. Название же журнала умышленно дано на латинском языке, чтобы нагляднее подчеркнуть его интернациональное лицо.